

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ОБЪЕКТЫ КОНЦЕССИОННОГО СОГЛАШЕНИЯ

Алексей Юрьевич Баженов^a

DOI: 10.22394/2070-8378-2024-26-3-17-23

^a Иркутский государственный университет

Аннотация: В статье затронуты некоторые особенности правового регулирования концессионных соглашений в России в отношении объектов информационных технологий и центров обработки данных. Разграничение понятий информационного объекта и центра обработки данных опосредует разные подходы к их правовому статусу и регулированию. После распространения законодателем на IT-объекты возможности быть объектами как концессионных соглашений, так и соглашений о государственно-частном партнерстве перед правоприменителями встал ряд вопросов. В частности, это выбор между схожими видами договорных конструкций, опосредующих оборот этих объектов, вопросы соотношения в рамках одного контракта объектов разной природы и режимов правового регулирования, вопросы национальной безопасности при работе с государственными информационными системами.

В статье исследуются мотивы и цели законодателя для введения в правовое поле концессий и соглашений о государственно-частном партнерстве таких неспецифичных объектов, как телекоммуникационные, а также первый опыт реализации на практике норм закона в данной сфере (на основании данных о заключении соглашений). В заключении обоснован вывод о необходимости переосмысления норм Закона о концессиях в сторону либо отказа от регулирования таких типов объектов как неспецифичных для концессий, либо в сторону более полного устранения конкуренции правовых норм с законодательством о государственно-частном партнерстве.

Ключевые слова: концессионные соглашения, государственно-частное партнерство, информационные технологии

Дата поступления статьи в редакцию: 14 марта 2024 года.

INFORMATION TECHNOLOGIES AS OBJECTS OF CONCESSION AGREEMENTS

Alexei Yu. Bazhenov^a

RESEARCH ARTICLE

^a Irkutsk State University

Abstract: The article discusses certain peculiarities of Russian concession agreements' legal regulation concerning information technology facilities and data processing centers. The legal status and regulation of information objects and data processing centers are approached differently due to their conceptual differences. Law enforcers faced several questions after the legislator extended that IT objects to the possibility of being the object of concession agreements and public-private partnership contracts. In particular, it is the choice between similar types of contractual structures mediating the turnover of these objects, issues of correlation of objects of different nature and legal regulation regimes within one contract, issues of national security when working with state information systems.

The article investigates the reasons behind the legislator's decision to include non-specific items like telecommunications in the legal domain of concessions and public-private partnership agreements. It also looks at the first practical application of the legal standards in this field (based on data on the conclusion of agreements). The author concludes that the Law on Concessions' norms should be reconsidered. This could lead to either a complete removal of legal norms that compete with the laws governing public-private partnerships or a refusal to regulate certain objects that are not specific to concessions.

Keywords: concession agreements, public-private partnership, information technologies

Received: March 14, 2024.

Нормы и правила

Введение

Отношения государственных структур и частного сектора имеют давнюю историю. Концессионные контракты или их эквиваленты существовали несколько сотен лет [Estache, Saussier, 2014]. Такие отношения, особенно в сфере экономики, не всегда носят только властный, императивный характер, но выходят на уровень партнерства и взаимовыгодного сотрудничества. Развитие бизнеса позволяет поддерживать в стране конкурентную среду, создавать дополнительные рабочие места, служит локомотивом экономики, увеличивает степень ответственности граждан и их вовлеченности в общегосударственное развитие [Зайцев, 2019. С. 86].

Одной из форм сотрудничества государства и бизнеса являются концессионные соглашения, введенные в российское законодательство в 2005 году. Постепенно в нашей стране формируется практика применения данного правового института, на основе которой законодатель вырабатывает дополнения и изменения нормативного регулирования в обозначенной сфере: уточняются процедуры заключения и исполнения концессионных соглашений, дополняется перечень концессионных объектов.

В соответствии с Федеральным законом от 29 июня 2018 года № 173-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» перечень объектов концессий дополнен объектами информационных технологий, техническими средствами обеспечения функционирования объектов информационных технологий (далее – технические средства), а также центрами обработки данных.

Само понятие концессионного соглашения, его содержательные элементы в отношении классических объектов недвижимости уже достаточно хорошо доктринально исследованы в трудах различных ученых как нашей страны [Багдасарова, 2009; Платонова, 2015], так и зарубежных стран [Bogdanowicz, Caranta, Telles, 2020]. Однако состав объектов такого соглашения в соответствии с российским законодательством на сегодняшний день содержит 23 позиции. Три новые позиции были дополнены в 2018 году.

Законодатель определил элементы, входящие в состав каждой из введенных групп объектов. Например, к объектам информационных технологий отнесены программы для ЭВМ, базы данных, информационные системы. В Федеральном законе от 21 июля 2005 года № 105-ФЗ «О концессионных соглашениях» (далее – Закон о концессиях) дано легальное определение не всем

названным в нем терминам. Так, определение программы для ЭВМ и базы данных содержится в статьях 1260 и 1261 Гражданского кодекса Российской Федерации в составе норм об авторских и смежных правах. При этом определение «базы данных» фигурирует в рамках статьи, посвященной переводам, иным производным произведениям и составным произведениям. В то же время легальные определения информационной системы и сайта в сети Интернет содержатся в Федеральном законе от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Так, понятийный аппарат, используемый в Законе о концессиях, для IT-технологий рассредоточен в разных федеральных законодательных актах.

Одновременно с дополнением перечня объектов концессионных соглашений в 2018 году указанные три вида объектов были включены в Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ГЧП). Глава 6.1 устанавливает правила заключения и исполнения соглашений о государственно-частном партнерстве (далее – соглашения о ГЧП) в отношении телекоммуникационных объектов. Изменения Закона о ГЧП аналогичны изменениям Закона о концессиях в плане формулировок и трактовок введенных понятий. Так, участники гражданского оборота могут выбрать способ удовлетворения своих имущественных потребностей, заключив либо концессионное соглашение, либо соглашение о ГЧП [Филатова, 2022].

Одновременно с введением упомянутых новых видов объектов концессионных соглашений в Закон о концессиях (аналогично Закону о ГЧП) была включена глава 4.1, регулирующая подготовку, заключение, исполнение и прекращение концессий в отношении IT-объектов и технических средств. Действие этой главы не распространяется на центры обработки данных, регулирование отношений по которым подпадает под действие общих норм Закона о концессиях. По всей видимости, такое решение законодателя связано со спецификой объектов информационных технологий и их природой. Напомним, что центры обработки данных преимущественно являются совокупностью объектов недвижимого имущества, объединенных единым назначением.

«Расщепление» понятия концессионного соглашения

Введение главы 4.1 Закона о концессиях спровоцировало появление ряда правовых вопросов, первоначальным из которых стало уточнение самого легального определения концессионных соглашений. Общее определение концессионного соглашения, данное в Законе, не распространяется на концессии в сфере IT-технологий. Вместо него статья 53.1 Закона о концессиях ввела специальное для рассматриваемых объектов определение концессионного соглашения, которое отличается от основного определения только уточнением терминологии применительно к существу вновь введенных объектов.

Появление отдельного легального определения в данном случае обусловлено самой природой этих объектов и их фундаментальными отличиями от «традиционного» движимого и недвижимого имущества. Черты названного дополнительного определения концессии вытекают из характеристик исключительных прав. Согласно части 3 статьи 1227 Гражданского кодекса Российской Федерации, к интеллектуальным правам не применяются положения о праве собственности и иных вещных правах. По этой причине в определении концессии для информационных объектов речь идет о праве использования, а о праве собственности лишь применительно к техническим средствам как объектам движимого имущества [Васильева, 2016].

Кибербезопасность при заключении концессионных соглашений

Важным аспектом по поводу рассматриваемых объектов IT-технологий также является вопрос безопасности. Как отмечают исследователи, так называемая «кибербезопасность» тесно связана с безопасностью государства в целом [Christensen, Petersen, 2017]. Все государства сегодня так или иначе сталкиваются с необходимостью обеспечить защиту своих информационных систем, баз данных, центров обработки данных от внешних и внутренних угроз. Эти вопросы особенно актуальны, когда разработка и поддержание государственных информационных систем поручается частным лицам. В данном случае одним из способов такой защиты является ограничение круга лиц, которые могут работать с указанными системами и данными. Следовательно, законодатель в Законе о концессиях специально ввел ограничение на круг концессионеров, которые могут работать с такими объектами. К ним не могут относиться иностранные инвесторы, а также российские юридические лица, так или иначе ассоции-

рованные с зарубежными партнерами или правительствами (часть 1.6 статьи 5 Федерального закона от № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»). Что касается соглашений о ГЧП, данный вопрос изначально был решен в Федеральном законе «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13 июля 2015 года № 224-ФЗ. В соответствии с пунктом 5 статьи 3 частным партнером в принципе может быть только российское юридическое лицо. Используя эти меры, государство пытается «отсечь» возможные элементы внешнего влияния на информационные системы России и свести круг частных партнеров к лицам, находящимся в российской правовой юрисдикции и являющимся тем самым более подконтрольными решениям органов власти.

Зарубежный опыт концессий в сфере телекоммуникационных технологий

Говоря о зарубежном опыте регулирования заключения концессионных соглашений применительно к объектам информационных технологий, стоит отметить, что основной ныне действующий документ Европейского союза в данной сфере, а именно Директива Европейского союза от 26 февраля 2014 года № 2014/23/EU «О заключении концессионных соглашений»¹ (далее – Директива ЕС о концессиях), вообще не содержит упоминаний о таких видах объектов. Данная Директива понимает под «концессионным соглашением» письменный возмездный контракт, по которому концедент передает выполнение работы или оказание услуги одному или нескольким концессионерам, а вознаграждение по такому контракту состоит либо исключительно в праве использовать результат работы (услуги), являющейся предметом контракта, либо в таком праве совместно с причитающимися за него платежами.

Директива ЕС о концессиях не содержит упоминаний о возможности заключения концессии в отношении каких-либо объектов информационных технологий. Напротив, упомянутые в приложении виды работ, по которым могут заключаться концессионные соглашения, в основном представляют собой те или иные виды строительных работ по созданию объектов недвижимого имущества, в том числе мостов, тоннелей, дорог, аэродромов, спортивных сооружений, водных объектов и водопроводных систем, а также по установке оборудования и линий связи.

¹ <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2014/23/oj>

Нормы и правила

Однако, как указано в пояснительной записке к проекту закона о внесении указанных выше изменений в Закон о концессиях и Закон о ГЧП (далее – пояснительная записка к законопроекту)², иностранные государства тоже стремятся к расширению сферы действия государственно-частного партнерства, включая туда помимо традиционных объектов и информационные технологии. Такой процесс происходит, например, в Германии с 1999 года. Во Франции и Великобритании доля IT-объектов в сделках ГЧП составляет в среднем от пяти до десяти процентов, говорится в пояснительной записке к законопроекту № 157778–7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части признания информационных систем объектами соглашения)». То есть отношения государственно-частного партнерства с объектами информационных технологий в Европе регулируются на национальном уровне конкретным государством-членом Европейского союза.

Комплексный объект концессионного соглашения

Остановимся еще на одном аспекте, который касается введения специального регулирования объектов информационных технологий в разрезе их соотношения с другими существующими видами объектов концессий. Как следует из буквального толкования норм Закона о концессиях, предусмотрена возможность заключения одного концессионного соглашения в отношении нескольких разных объектов из перечня, указанного в статье 4 данного Закона. Это может привести к тому, что объект или часть объектов такого соглашения подпадают под действие общих норм Закона о концессиях, а другой объект (или объекты) – под действие специальных норм регулирования (например, как в случае с объектами информационных технологий – главы 4.1 Закона о концессиях). В данном случае имеет место «расщепление» правового регулирования договорных отношений в рамках единого соглашения [Платонова, 2019].

В соответствии с частью 1.1 и 1.2 статьи 3 Федерального закона от 21 июля 2005 года № 115-ФЗ (редакция от 4 августа 2023 года) «О концессионных соглашениях», если в концессионное соглашение включены объекты, регулирование которых относится к специальному правовому режиму, то такое соглашение должно учитывать данную специфику. Во избежание возможной в подобных ситуациях коллизии правовых норм целесообразно установить в законе, что при за-

ключении концессионного соглашения в отношении имущества, на которое распространяется специальный правовой режим (в частности, объекты информационных технологий), предметом концессионного соглашения в данном случае могут быть только взаимоотношения сторон в отношении данного объекта, если их отделение от остальных объектов не нарушает экономической целостности проекта. Заключение концессионных соглашений с несколькими объектами в этом случае будет возможно только тогда, когда на них распространяется общий правовой режим регулирования. Данный подход, конечно, упрощает для концедента решение вопроса о составе объектов концессионного соглашения в том случае, если они подпадают под регулирование разных норм Закона о концессиях. Однако на практике такое разделение объектов на отдельные концессионные соглашения может привести к потере для хозяйствующих субъектов экономического смысла в реализации единого проекта.

Обратимся к европейскому опыту в данной сфере. Статья 20 Директивы Европейского союза от 26 февраля 2014 года № 2014/23/EU «О заключении концессионных соглашений» устанавливает, что орган власти или организация, заключающая контракт, может выбрать как размещение одного контракта, так и его деление на несколько разных, если различные части рассматриваемого контракта «объективно делимы».

Закон о концессиях должен содержать предписание, устанавливающее тот или иной вариант действий концедента в случае, если объекты концессионного соглашения подпадают под действие различных норм указанного Закона. Принимая во внимание специфику объектов информационных технологий, для них такое законодательное уточнение является особенно актуальным. В силу вышеназванного легального определения к техническим средствам обеспечения функционирования объектов информационных технологий относится имущество, технологически связанное с одним или несколькими объектами информационных технологий и предназначенное для обеспечения их функционирования и осуществления иной деятельности, предусмотренной концессионным соглашением. В соответствии со статьей 128 Гражданского кодекса Российской Федерации к имуществу относятся движимые и недвижимые вещи, имущественные права, результаты работ и оказание услуг, интеллектуальная собственность, нематериальные блага. При такой широкой трактовке термина «имущество» к техническим средствам можно отнести не только оборудование, сети и другие объекты движимого имущества, но

2 <https://sozd.duma.gov.ru/bill/157778-7>

и помещения, в которых они размещены, здания и территорию таких комплексов, то есть объекты недвижимости. Однако такое широкое толкование данного термина уже накладывается на понятие «центр обработки данных». То есть совокупность зданий, частей зданий или помещений, объединенных единым назначением с движимым имуществом, технологически связанным с объектами информационных технологий, и предназначенных для автоматизации с использованием программ ЭВМ и баз данных процессов формирования, хранения, обработки, приема, передачи, доставки информации, обеспечения доступа к ней, ее представления и распространения. Такие центры исключены из сферы действия специальных норм регулирования концессий в IT-сфере.

Конкурирующие договорные конструкции и их практическое применение

Анализируя нормы главы 4.1 Закона о концессиях в совокупности, представляется, что в случае с техническими средствами речь идет исключительно об объектах движимого имущества, что, по моему мнению, было бы целесообразно отразить в пункте 21 части 1 статьи 4 Закона о концессиях с целью четкого отграничения данного объекта от центра обработки данных.

Согласно пояснительной записке к законопроекту, ранее инвесторам в некоторых случаях приходилось возводить объект недвижимого имущества, который на практике просто «прикрывал» создание объекта информационной технологии (например, государственной информационной системы). С целью придания законности данным сделкам согласились считать такие объекты самостоятельными объектами договоренностей партнеров. В свете бурного развития информационных технологий и технических средств понятны мотивы законодателя максимально способствовать активизации такого процесса в российской экономике на нормативном и организационном уровнях. Однако являются ли концессионные соглашения востребованным инструментом, юридическая природа которого соответствует решению названных задач?

Поскольку в законодательство в 2018 году одновременно были внесены две конкурирующие правовые конструкции, органу власти или местного самоуправления необходимо выбрать способ взаимодействия публичного образования с частным инвестором. Многие признаки указанных видов соглашений являются сходными до степени смешения, а объекты, в отношении которых они могут заключаться, идентичны. Такое положение затрудняет выбор концедента, что актуализи-

руется различными финансовыми механизмами, которые могут применяться для реализации проектов в IT-инфраструктуре [Курбанов, 2023].

По данным государственной информационной системы «Торги»³, по состоянию на начало марта 2024 года на всей территории страны размещено 14 извещений о реализации проектов ГЧП, в которых объектами соглашений выступают объекты информационных технологий. Такие извещения стали появляться с конца 2022 года и в основном касаются создания в регионах России цифровых образовательных платформ (Республика Тыва, Чеченская Республика, Тамбовская область и др.) или систем учета спортивных достижений (Северная Осетия – Алания, Нижегородская область, Якутия и др.).

В то же время по состоянию на начало марта 2024 года в России было заключено только одно концессионное соглашение на объекты информационных технологий – аппаратно-программный комплекс «Автоматизированная система эксплуатации системы безопасности дорожного движения Республики Дагестан» в 2023 году.

Правоприменительные органы делают выбор в пользу заключения соглашений о ГЧП, а не концессионных соглашений, если речь идет об объектах информационных технологий. При этом в настоящее время какая-либо специальная судебная практика в отношении рассматриваемых вопросов в России отсутствует. Суды выносят свои решения по различным вопросам концессионных соглашений, а правоведы их исследуют [Зусман, 2019], но в силу практического отсутствия концессий для IT-технологий данную сферу такие судебные акты пока не затрагивают.

Понятно желание органов государственной власти сделать возможным заключение в отношении телекоммуникационных объектов как концессионных соглашений, так и соглашений о ГЧП. Основным с точки зрения экономической целесообразности является то, что публичный собственник не лишается активов, но при этом напрямую не участвует в хозяйственно-экономической деятельности [Зельднер, Осипов, 2019].

Заключение

С момента введения рассматриваемых объектов в российское правовое поле прошло уже более пяти лет. За это время заключение концессионных соглашений в отношении телекоммуникационных объектов на практике отсутствует. При этом, поскольку соглашения о ГЧП в данной сфере все-таки заключаются заметно чаще, мож-

3 www.torgi.gov.ru

Нормы и правила

но предположить, что правоприменители вполне осведомлены о возможностях заключения концессий не только для «традиционных» объектов недвижимости, но и для таких специфических, как объекты IT-технологий.

Принимая решение о реализации проекта ГЧП, правоприменительный орган неизбежно сталкивается с рядом спорных моментов, как то:

- смешение технических средств обеспечения функционирования объектов информационных технологий и центров обработки данных;
- «расщепление» режима правового регулирования для комплексных объектов, включающих в себя как объекты информационных технологий, так и иное движимое и недвижимое имущество;
- конкуренция правовых конструкций между концессиями и соглашениями о ГЧП.

Из анализа законодательных определений концессионного соглашения и соглашения о ГЧП, сформулированных специально для телекоммуникационных объектов, видно, что основным различием между данными правовыми конструкциями является то, что подразумевается получение частным партнером по соглашению о ГЧП по итогам реализации проекта права собственности и/или исключительного права на технические средства, являющиеся предметом соглашения. По всей видимости, это обстоятельство является определяющим при выборе между названными правовыми конструкциями. В большинстве случаев соглашение о ГЧП заключается на основании предложения конкретного частного партнера, выступающего инициатором проекта. При этом иные лица не подают заявки на участие в соответствующем конкурсе. Вложив собственные сред-

ства в проект или использовав заемные, частный партнер непосредственно заинтересован как в использовании прав интеллектуальной собственности, созданных в рамках проекта, и получении платы за это в течение всего срока его реализации, так и в последующем получении в собственность технических средств.

Непопулярность концессионной конструкции для объектов информационных технологий обусловлена наличием параллельно введенного в законодательство механизма заключения соглашений о ГЧП для данных объектов, а также тем, что такая концессионная конструкция исторически «заточена» под традиционные объекты недвижимого имущества. Выбор концедентов в пользу соглашений о ГЧП может быть обусловлен тем, что механизмы заключения и исполнения концессий более применимы для объектов недвижимого имущества (особенно линейного типа), а механизмы соглашений о ГЧП дают в этом смысле больше свободы в реализации проекта обеим сторонам.

Определенность по содержанию, которая подразумевает четкую демаркацию правовых конструкций, понятную для правоприменителей, является одним из главных свойств позитивного права. Требуется переосмысление норм Федерального закона «О концессионных соглашениях» № 115-ФЗ в сторону либо отказа от регулирования информационных объектов как неспецифичных для концессий, либо в сторону более полного устранения конкуренции правовых норм с Федеральным законом № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Литература

- Багдасарова А.В. Концессионное соглашение в гражданском праве России и зарубежных стран: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: М., 2009.
- Васильева Е.Н. Изменения в регулировании договорных отношений в сфере интеллектуальной собственности. *Труды Института государства и права РАН*. 2016. № 5 (57). С. 156–174. EDN: WTIAWX
- Дмитриев Р.С. Отграничение контракта жизненного цикла от концессионного соглашения, соглашения о государственно-частном партнерстве и специального инвестиционного контракта. *Право и экономика*. 2022. № 1 (407). С. 46–53. EDN: YGNNUF
- Зайцев О.В. Привлекательная юрисдикция – развитие бизнеса, развитие страны. *Государственная служба*. 2019. № 1. С. 86–88. <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2019-21-1-86-88>
- Зельднер А.Г., Осипов В.С. Концессии как драйвер управления процессом привлечения частных инвестиций в инфраструктурные проекты. *Проблемы теории и практики управления*. 2019. № 8. С. 65–73.
- Зусман Е. Обзор судебной практики по заключению и реализации концессионных соглашений в 2018 году. *Хозяйство и право*. 2019. № 3. С. 73–83. EDN: VWBSES
- Курбанов А.М. Финансовый механизм реализации концессионных соглашений в IT-инфраструктуре в Российской Федерации. *Вестник Академии знаний*. 2023. № 3 (56). С. 323–325.
- Платонова Н.Л. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О концессионных соглашениях». М.: Jus Unum, 2015. EDN: YLTZIO
- Платонова Н.Л. Новое в законодательном регулировании концессионных соглашений в Российской Федерации. *Право и экономика*. 2019. № 1. С. 18–20.
- Филатова У.Б. Гражданские правоотношения. *Общонациональный интерактивный энциклопедический портал «Знания»*. 2022. № 11. <https://bigenc.ru/c/grazhdanskii-obo-rot-846429>

- Bogdanowicz P., Caranta R., Telles P. Public-Private Partnerships and Concessions in the EU: An Unfinished Legislative Framework. Edward Elgar Publishing. 2020. <https://doi.org/10.4337/9781839105012>. In English
- Christensen K., Petersen K. Public-private partnerships on cyber security: a practice of loyalty. *International Affairs*. 2017. No. 93 (6). P. 1435–1452. In English
- Estache A., Saussier S. Public-private Partnerships and Efficiency: A short Assessment / CESifo DICE Report. Munich, 2014. Vol. 12. Issue 3. P. 8–13. In English
- Martin F. The EU Concessions Directive: Building (Toll) Bridges between Competition Law and Public Procurement? *Journal of European Competition Law & Practice*. 2015. № 6 (1). C. 15–25. In English

References

- Bagdasarova A.V. Concession agreement in the civil law of Russia and foreign countries: abstract of the dissertation of a Candidate of Legal Sciences: Moscow, 2009. In Russian
- Dmitriev R.S. Distinguishing the life cycle contract from a concession agreement, a public-private partnership agreement and a special investment contract. *Pravo i ekonomika*. 2022. No. 1. P. 46–53. EDN: YGNNUF. In Russian
- Filatova U.B. Civil legal relations. National interactive encyclopedic portal «Znaniya». 2022. No. 11. <https://bigenc.ru/c/grazhdanskii-oborot-846429> In Russian
- Kurbanov A.M. Financial mechanism for implementing concession agreements in IT infrastructure in the Russian Federation. *Vestnik Akademii znaniy*. 2023. No. 3 (56). P. 323–325. In Russian
- Platonova N.L. New in the legislative regulation of concession agreements in the Russian Federation. *Pravo i ekonomika*. 2019. No. 1. P. 18–20. In Russian
- Platonova N.L. Scientific-practical commentary to the Federal Law «On concession agreements». Moscow: Jus Unum, 2015. EDN: YLTZIO. In Russian
- Vasilyeva E.N. Changes in the Regulation of the Contract Relations in the Intellectual Property Sphere. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. 2016. No. 5 (57). P. 156–174. EDN: WTIAXW. In Russian
- Zaitsev O.V. Attractive jurisdiction – business development, development of the country. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2019. No. 1. P. 86–88. <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2019-21-1-86-88>. In Russian
- Zeldner A.G., Osipov V.S. Concessions as a driver of managing the process of attracting private investment into infrastructure projects. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. 2019. No. 8. P. 65–73. In Russian
- Zusman E. Review of judicial practice on conclusion and implementation of concession agreements in 2018. *Khozyaistvo i pravo*. 2019. No. 3. P. 73–83. EDN: VWBSES. In Russian

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Алексей Юрьевич Баженов, аспирант Юридического института Иркутский государственный университет (Российская Федерация, 664082, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10). E-mail: alexei_bazhenov@mail.ru

Ссылка для цитирования: Баженов А.Ю. Информационные технологии как объекты концессионного соглашения. *Государственная служба*. 2024. № 3. С. 17–23.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Alexey Yu. Bazhenov, post-graduate student at the Institute of Law Irkutsk State University (10, Ulan-Batorskaya St., Irkutsk, 664082, Russian Federation). E-mail: alexei_bazhenov@mail.ru

For citation: Bazhenov A.Yu. Information technologies as objects of concession agreements. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2024. No. 3. P. 17–23.